

Р.М. Ханинова, Д.Ю. Топалова (Элиста)

КАЛМЫЦКАЯ ЛЕГЕНДА О ГОРЕ ВОГДО КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПОЭМЫ В. ХЛЕБНИКОВА «ХАДЖИ-ТАРХАН»

Аннотация. В статье рассматривается калмыцкая легенда о горе Вогдо как один из интонационных источников в поэме В. Хлебникова «Хаджи-Тархан» (1913). Изучение калмыцкого орнамента в этом историко-филологическом произведении способствует пониманию евразийской идеи автора – союза России и Азии, взаимодействия народов, религий и культур на едином пространстве. Историческая топопонимика Астраханского края передана в хлебниковском тексте включением сакрального мотива калмыцкой легенды, трансформированной в поэме, позволяющей увидеть родной мир с торной высотой и подтверждающей знание автором истории и культуры кочевого народа, населяющего эту территорию.

Ключевые слова: калмыцкая легенда, ороним Вогдо; поэма; «Хаджи-Тархан»; Хлебников; Евразия.

Р. Khapinova, D. Topalova (Elista)

The Kalmuk Legend of Mount Vogdo in V. Khebnikov's Poem 'Khadzhi-Tarkhan'

Abstract. The article considers the Kalmuk legend of Mount Vogdo as one of the non-Russian sources in V. Khebnikov's poem 'Khadzhi-Tarkhan' (1913). The study of the Kalmuk oronym in the context of this historical and philosophical composition contributes to further understanding of the author's Eurasian idea – the union between Russia and Asia, the interaction of diverse peoples, religions and cultures within the integrated space. In V. Khebnikov's text the historical toponymy of Astrakhan region is expressed via the sacred motif of the Kalmuk legend which is transformed in the poem so that it becomes possible to view the home world from the height of the mountain. Thus the author's expertise in the history and culture of the nomads inhabiting the territory is confirmed.

Key words: Kalmuk legend; oronym Vogdo; poem; 'Khadzhi-Tarkhan'; Khebnikov; Eurasia.

В сентябрьском письме 1912 г. Велимира Хлебникова к Алексею Куроченых о любозытных задачах литературы, в том числе «заглянуть в монгольский мир», обратим внимание на следующую выказывание: «Одна из тайн творчества – видеть перед собой тот народ, для которого пишешь, и находить словам место на осях жизни этого народа, крайних точках пирины и вышины»¹. В желании заглянуть в монгольский мир, по мнению А.Е. Парниса, можно многое понять в постановном стремлении поэта к Востоку, правильно оценить генезис этого тапотения².

Проблема изучения монгольской темы в русской литературе актуальна в аспекте общегорного интереса русского модернизма к Востоку, к его фоль-

клору, малой известностью в литературоведении фольклорных текстов степных народов России, их влияния на творчество русских писателей. Достаточно вспомнить стихотворение В. Соловьева «Панмонголизм», поэму А. Блока «Скифы», драму С. Есенина «Пугачев», роман А. Белого «Петербург».

Калмыцкая тема в творчестве Хлебникова, в его поэзии (лирика, поэма «Хаджи-Тархан») и прозе (повесть «Бесир», автобиографическая проза) еще мало исследована. Это в основном статьи К. Ермаковского³, Г. Глинна⁴, А. Парниса⁵, Д. Кугулыгинова⁶, Р. Ханиновой⁷, А. Салдусовой⁸. Калмыцкая тема Хлебникова также непосредственно связана с монгольской темой и нижевожскими сюжетами и мотивами⁹ – указал А. Парнис⁹.

Как писал Н. Степанов, «одна из лучших дореволюционных поэм Хлебникова «Хаджи-Тархан» (1912) – о Волге и знакомых с детства мектах – Астрахани (старинное татарское наименование ее – Хаджи-Тархан) и Казани. «Хаджи-Тархан» – историко-философская поэма, посвященная излюбленной мысли Хлебникова о связи России и Азии, об «азийском пласте» культуры. <...> Прошлое Волги, история Астрахани и Казани рассматриваются Хлебниковым с точки зрения взаимодействия народов Азии и славянства. Монголы, ислам напоминают о себе памятниками архитектуры. <...> Культура Востока предстает здесь в сохранившихся древних памятниках: хуралы (буддийский храм у калмыков), казанская башня на рипи Сумбеки, в следах древней культуры калмыков, татар и прочих народов Востока, населявших Волгу»¹⁰.

Е. Синард считает, что еще более открыто «широта нашего бытийственного лика», т.е. азийского континента-океана – дала о себе знать в поэме «Хаджи-Тархан» (1913), начин которой указывает на имитацию «слова песни кочевого» – песни «кочевника-малычугана», посвященной тому горору, в устье Волги, неподалеку от которого поэт родился и о котором – в разные времена по-разному – повторял: «...у устья Волги встречаются великие волны России, Китая и Индии... Астрахань – окно в Индию»¹¹. По мнению исследователя, «окропечный» метод смешивания исторических реалий у Хлебникова воспроизводит акцентированное вступлением мальчишеское исполнение «слова песни кочевого», которое обусловило отсутствие требуемых литературно-эстетическими нормами «правильностей» в ритмике, мелодике и в структуре поэмы. В результате этот письменный литературный текст предстал перед читателем как текуче-подвижный сток «слова кочевого», прозвучавшего в «оазисе» лабиринте времен и народов, откуда возможны пути в разные концы света¹².

Интерес В. Хлебникова к Астрахани, откуда родом его предки с отцовской стороны, к городу, население которого составляют и кочевые народы, художественно органичен: в начин поэмы «Хаджи-Тархан» поэт включил фольклорный мотив калмыцкой легенды о горе Вогдо, позволяющей увидеть родной край с самой высокой точки Прикаспийской низменности. «Де Волга прынула стрелом / На хохот моря молодого, / Гора Вогдо своей чертою / Темнеет взору рыболова»¹³. Эта гора высотой 150 м находится

на территории Астраханской области, близ границы с Казахстаном, и заканчивается в округности 13 км. Введение оронима Болдо в географический ландшафт поэмы манифестировано народным фольклором: «Слово песни кочевья / Сухуу путника расскажет: / Был уронен холм живой, / Уронил его святой, — Холм, один пронизавший пакисть! / А имя, что носит святой, / Давно уже краем забыто»¹⁴.

В примечаниях Е.Р. Арензона и Р.В. Дуганова к поэме отмечено: «Болдо калм. — святой; название горы между Волгой и соляным озером Баскунчак. Согласно калмыцкой легенде, два буддийских монаха по велению далай-ламы несли гору с Урала на юг; поддавшись искушению женской красоте, один из подвижников ослаб духом, и гора погрелась монахов под собой»¹⁵. Сравним хлебниковскую версию легенды и версию в примечаниях литераторов. В первой версии не очень ясно, что за холм уронил святой, почему холм живым, почему об этом кочевое песенное слово? Поэт обозначил кочевое слово как песню, зная, что это топонимическая легенда, видимо, чтобы актуализировать высокую традицию бытования сакральной истории. Холм остался на пустоши, а имя святого давно забыли. Вначале в поэме обозначена гора Болдо, затем — холм, и вновь — гора.

Во второй версии заметно различие: здесь уже два монаха, буддийских, согласно велению далай-ламы, несли гору по конкретному маршруту, но не донесли, потому что один из монахов поддавался искушению, и оба погибли под обрушившейся на них горой. Но и в этом случае не очень понятно, зачем надо было нести куда-то эту гору.

Между тем В. Хлебников начинает многоотъемный рассказ, связывая калмыцкий компонент с городом своих предков, совсем не случайно. Это не только обозначение реальных географических координат на карте родного края, но только дань памяти месту своего рождения среди калмыков, не только знание калмыцкого фольклора, но и понимание значимости оронима как маркера национальной истории, религии и культуры кочевого народа. «Образ горы у всех монголоязычных народов связан с анимистическими представлениями о ней как покровительнице рода»¹⁶, поскольку «горы были главными ориентирами на местности как в географическом, так и в сакральном смысле», «с древности гора (главная гора местности) рассматривалась как символ родовых кочевий»¹⁷.

Как подчеркнул лингвист В.Н. Хониннов, возникновение калмыцкого топонима Болдо уул («Священная гора») «связано с предками калмыков, которые оставили места своих кочевий в Джунгарии и в конце 30–40-х годов XVII в. прикочевали к низовьям Волги, где они и обосновались, обретя вторую родину. Для калмыков, оставшихся без традиционных мест поклонения, единственная крупная гора в приволжской степи стала их культовым объектом, получив символическое название Болдо уул»¹⁸. Этот топоним относится к так называемым перенесенным или повторяющимся географическим названиям, т.к. культ священной горы Болдо у калмыков существовал и в древние времена, т.е. до прихода на Волгу в XVII в. «О Болдо уул у монголов бытует немало легенд и преданий, но среди них мы

не встречаем сюжетов, связанных с переносом горы людьми», как уточняет фольклорист Д. Басаев¹⁹. В то время как П.И. Тартяковский называл монгольской легендой, с которой начинался «Халджи-Тархан», тема и образ холма проходит через всю поэму, двумя значительными композиционными опорами художественной структуры которой являются два доминантных образа, несущих в себе мощный импульс национально-традиционный символик: Волга — наиболее эмблематичный образ Руси и Степь — древний символ Востока²⁰.

Именно в калмыцком фольклоре есть несколько вариантов топонимических легенд о появлении горы Болдо в Прикаспийской низменности. Возможно, В. Хлебников позанимался в «Астраханском справочном листке» за 1883 г. (№ 228) с перепечатанными калмыцкими преданиями. В записи профессора С.Г. Гмелина «рассказывается о двух святых калмыках, которые решили перенести гору Болдо с берегов Яика к Волге. Когда они приблизились к этой горой к Волге, один из них “осквернил себя злым промышлением” (как тут же отмечает Гмелин, по другой версии — “чинил блудодеяние”)). Решник тут же потерял силы, и гора пригнала его. Второй калмык не мог один справиться с горой, и она осталась на том месте, где стоит ныне»²¹. Близкий этому сюжету вариант легенды приведен в примечаниях к поэме Хлебникова.

Ученый «Г. Федченко указывает другую версию калмыцкого предания, записанную им во время путешествия по южной и юго-восточной России в начале 60-х годов XIX века, — напомнил Д. Басаев. — Здесь труд выполняет уже сам Далай-лама, который решил с горы на Урале нагакать земли в боготскую приволжскую степь. Он насыпал большой мешок земли, взял с собой хлеба, соли и пошел в степь. <...> эта версия приписывает Далай-ламе не только образование Баскунчакского озера, но и священной горы Болдо, а также холма Малое (Му Болдо), находящегося от Большого в двадцати верстах. Сделав привал, уставший Далай-лама отсыпал часть земли из мешка, так появилось Болдо Малое. Он идет дальше, силы его слабеют, но он идет до кровавого пота. Наконец, Далай-лама падает под тяжестью своей ноши. Мешок с землей камень и остается навеки священной горой Болдо»²².

Судя по тексту хлебниковской поэмы, автор опирался на вторую версию — с участием Далай-ламы. Летом 1917 г., как вспоминал поэт Дмитрий Петровский, они с Велимирим «отправились в степь разыскивать гору Болдо, уроненную святым и восстную Хлебниковым в его “Халджи-Тархане”, задолго до этого путешествия»²³. Но, по его воспоминаниям, не дошли до своей цели.

Обратившись к началу поэмы Хлебникова «Халджи-Тархан», теперь понимаем, почему холм живой (это земля с далекой родины), почему был уронен холм (от долгого пути) и кем (Далай-ламой). Таким образом, предания о горе Болдо в основном представляют собой рассказы о переносе горы с одного места на другое (с Урала или из Джунгарии на Волгу)²⁴. Гора Болдо упоминается и в других жанрах калмыцкого фольклора, в ска-

ках, например, но легенды о ее происхождении нет в калмыцком героическом эпосе «Джантар», как ошибочно полагал А.А. Мамаев: «...калмыцкий народный эпос ("Был уронен холм живой" – "Хаджи-Тархан") и так далее»²⁵.

Лекема «Богдо» в обшемонгольском употреблении («святейший, премудрый, верховный, высочайший») встречается в оринимии и антропонимии²⁶. В поэме Хлебникова описание горы Богдо актуализирует ее высоту в прямом и переносном смысле: «Высокий и синий, боками крутой, / Приют соколиного мыта! / Стоит он, синев травой, / Над праделов славой курган»²⁷. Поэтому поэт связал прошлое, настоящее и будущее в хронологе: «И подвиг его и доньяне живой / Пролетел козеник-малыугтан»²⁸. В то же время автор не уточнил в цветовой гамме красноватый склон горы с одной стороны.

Как пишет историк Э.П. Бакаева, «центром земли является гора, выступавшая как маркер родной территории. <...> Гора – этнический маркер, появившаяся которого в фольклоре следует связывать с появлением этноса, консолидирующегося вокруг некоего символа, чаще всего которым является символ "земли-воды", священной горы, мирового древа, и т.д.»²⁹. Следовательно, «с приходом калмыков из Джунгарии в низовья Волги единственная крупная гора в этой местности стала объектом их традиционного поклонения, и культ новой горы Богдо и ее "хозяйина" Цаган овгана послужил калмыцким маркером их исторической памяти и реального освоения нового жизненного пространства»³⁰.

Итак, мотив горы Богдо в поэме Хлебникова «Хаджи-Тархан» имеет исторический и сакральный характер. Поэма открывается описанием этой горы на основе калмыцкой легенды о ее возникновении в Прикаспийской низменности. Автор использовал один из вариантов легенды о Далай-ламе, литературоведы Е.Р. Арензон и Р.В. Дуганов привели в примечаниях к поэме другой вариант легенды о двух монахах, один из которых погиб из-за своей нечестивой мысли под обрушившейся на него горой.

Для В. Хлебникова географический код калмыцкого оринима в тексте обусловлен соседством народов и религий в дельте Волги, союзом России и Азии, евразийской идеей. По словам Е. Силард, целевая устремленность поэмы Хлебникова требовала опоры на «героический эпос», пересказываемый «козеником-малыугтаном». Задолго до рождения утопии «Ладмира», Хлебников предложил в «Хаджи-Тархане» перспективу братания «волгокаспийских» народов и их окружения³¹.

Включение калмыцкого оринима в поэму в таком аспекте подтверждает интерес автора к истории, религии и культуре кочевого народа, к его фольклору, к этнографическим и естественнонаучным трудам. «Буддийский мир, калмыцкий быт, калмыцкие мифы и предания прочно вошли в сознание Велимира Хлебникова», – писала С. Старкина³².

Следовательно, вариант калмыцкой легенды о горе Богдо, ставший одним из инациональных источников в поэме В. Хлебникова «Хаджи-Тархан», был творчески трансформирован в поэтике его произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Кн. 2. «Доски судьбы» (избранные страницы). Мысли и заметки. Письма и другие автобиографические материалы. 1897–1922. М., 2006. С. 146.

² Парнис А.Е. «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003. С. 308.

³ Ермаковский К.И. Певец Лебедии // Ермаковский К.И. Легенды о логосе. Элиста, 1989. С. 151–188.

⁴ Лишин Г.Г. Калмыкия в прозе В. Хлебникова // Тезисы докладов III Хлебниковских чтений. Астрахань, 1989. С. 34–35.

⁵ Парнис А. «Конец царство, вель отгула я...» // Тестин герл. 1976. № 1. С. 135–151.

⁶ Кузильнинов Д. Осиянное слово // Хлебников В. Ладмир. Поэмы, стихотворения. Элиста, 1984. С. 5–11.

⁷ Ханинова Р.М. Калмыцкий компонент в «Есире» В. Хлебникова: мифология и культура // Творчество В. Хлебникова и русская литература: материалы IX Международных Хлебниковских чтений. Астрахань, 2005. С. 281–286; Ханинова Р.М. «Спицы судьбы» Велимира Хлебникова: поэтика пламени. Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций // Язык, культура и этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен. в 2 ч. Ч. 1. Элиста, 2005. С. 186–192; Ханинова Р.М. Четки и альчики в восточном дискурсе Велимира Хлебникова // Вестник Калмыцкого университета. 2006. № 1. С. 50–60; Ханинова Р.М. Игра в альчики в исторософской образности Велимира Хлебникова // Исторософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд. материалы XI Шешуковских чтений. М., 2007. С. 41–48; Ханинова Р.М. Калмыцкие легенды об Окон-Тенг и повесть В. Хлебникова «Есир»: мифология // Международные Домингесские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. М., 2008. С. 210–219; Ханинова Р.М. Калмыцкий компонент в творчестве В. Хлебникова // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции: материалы X международных Хлебниковских чтений. Астрахань, 2008. С. 316–319; Ханинова Р.М. Четки для на нити времен: о семантике четок в творчестве Велимира Хлебникова // Велимир Хлебников и Калмыкия. Элиста, 2013. С. 175–183; Ханинова Р.М. Поэтика вещи в творчестве Велимира Хлебникова // Азийское мировоззрение Велимира Хлебникова в аспекте калмыцких истоков творчества поэта. Элиста, 2015. С. 101–117.

⁸ Салдухова А.Г. О реальности мира В. Хлебникова // Творчество В. Хлебникова и русская литература: материалы IX Международных Хлебниковских чтений. Астрахань, 2005. С. 111–114.

⁹ Парнис А.Е. «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003. С. 309.

¹⁰ Степанов Н.Л. Велимир Хлебников. М., 1975. С. 106–107.

¹¹ Силард Е. Преиминарии к теме «Азияство Хлебникова» // Филология и культура. 2012. № 2. С. 112.

¹² Силард Е. Преиминарии к теме «Азияство Хлебникова» // Филология и культура. 2012. № 2. С. 113.

- ¹³ Хлебников В. Халжи-Тархан // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М., 2002. С. 121.
- ¹⁴ Хлебников В. Халжи-Тархан // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М., 2002. С. 121.
- ¹⁵ Арезон Е.Р., Дуганов Р.В. Примечания // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М., 2002. С. 446.
- ¹⁶ Хонин В.Н. Об обшемонгольской лексеме *богдо* в системе калмыцкой топонимии // Монголоведение в новом тысячелетии. Элиста, 2003. С. 229.
- ¹⁷ Журавская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М., 2002. С. 28.
- ¹⁸ Хонин В.Н. Об обшемонгольской лексеме *богдо* в системе калмыцкой топонимии // Монголоведение в новом тысячелетии. Элиста, 2003. С. 229.
- ¹⁹ Басев Д.Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо // Проблемы современного калмыковедения. Элиста, 2001. С. 23.
- ²⁰ Тартаковский П.И. «Халжи-Тархан» // Тартаковский П.И. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия Хлебникова в 1900–1910-е годы. Тапкент, 1987. С. 211–250.
- ²¹ Басев Д.Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо // Проблемы современного калмыковедения. Элиста, 2001. С. 17–18.
- ²² Басев Д.Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо // Проблемы современного калмыковедения. Элиста, 2001. С. 18.
- ²³ Петровский Д.М. Воспоминания о Великомире Хлебникова. М., 1926. С. 25.
- ²⁴ Басев Д.Э. Калмыцкие народные легенды и предания: автореф. дис. ... к филол. н.: 10.01.09. Элиста, 2009. С. 17.
- ²⁵ Мамаев А.А. Астрахань Велимира Хлебникова: док. повесть. Астрахань, 2007. С. 28.
- ²⁶ Хонин В.Н. Об обшемонгольской лексеме *богдо* в системе калмыцкой топонимии // Монголоведение в новом тысячелетии. Элиста, 2003. С. 228–229.
- ²⁷ Хлебников В. Халжи-Тархан // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М., 2002. С. 121.
- ²⁸ Хлебников В. Халжи-Тархан // Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М., 2002. С. 121.
- ²⁹ Баккаева Э.П. Саркальные коды культуры калмыков. Элиста, 2009. С. 98.
- ³⁰ Басев Д.Э. Калмыцкие предания и легенды о горе Богдо // Проблемы современного калмыковедения. Элиста, 2001. С. 24.
- ³¹ Силард Е. Предиминарии к теме «Азйство Хлебникова» // Филология и культура. 2012. № 2. С. 113.
- ³² Старкина С. Велимир Хлебников. Король Времени. Биография. СПб., 2005. С. 14.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Ramis A. "Konetsarstvo, ved' ottuda ya..." [The Kingdom of Horses, There I Come From...]. *Teegii gerl*, 1976, no. 1, pp. 135–151. (In Russian).
2. Khamnova R.M. Chetki i ai'chiki v vostochnom diskuse Velimta Khebnikova [The "Rosary/Beads" and "Shagal/Ankle Bone Shooting" in Khebnikov's Oriental Discourse]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2006, no. 1, pp. 50–60. (In Russian).
3. Sliard E. Prelimnariii k teme "Azysivo Khebnikova" [The Prelimnaries to

- "Khebnikov's Asianism"]. *Filologiya i kul'tura*, 2012, no. 2, p. 112. (In Russian).
4. Sliard E. Prelimnariii k teme "Azysivo Khebnikova" [The Prelimnaries to "Khebnikov's Asianism"]. *Filologiya i kul'tura*, 2012, no. 2, p. 113. (In Russian).
5. Sliard E. Prelimnariii k teme "Azysivo Khebnikova" [The Prelimnaries to "Khebnikov's Asianism"]. *Filologiya i kul'tura*, 2012, no. 2, p. 113. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Ramis A.E. "Eugazyvskie" konteksty Khebnikova: ot "kalmytskogo mifa" k mifu o "edinou Azii" [Khebnikov's Eurasian Contexts: From the "Kalmyk Myth" to the "United Asia Myth"]. *Eugazyvskoe prostranstvo: zvyk, slovo, obyaz* [The Eurasian Space: Sound, Word, Image]. Moscow, 2003, p. 308. (In Russian).
7. Eruimovskiy K.I. Pevets Lebedii [The Singer of the "Swanland"]. *Eruimovskiy K.I. Legendy o lotose* [The Legend about the Lotus]. Elista, 1989, pp. 151–188. (In Russian).
8. Glimin G.G. Kalmykiya v proze V. Khebnikova [Kalmykia in Khebnikov's Prose]. *Teziy doklady 3 Khebnikovskikh chleniy* [The Theses of the Third Khebnikov Readings]. Astrakhan, 1989, pp. 34–35. (In Russian).
9. Kugul'tinov D. Osvyannoe slovo [The Plumed Word]. *Khebnikov V. Ladomir. Poemy, stikhotvoreniya* [V. Khebnikov. Ladomir, Eric Poets]. Elista, 1984, pp. 5–11. (In Russian).
10. Khamnova R.M. Kalmytskiy komponent v "Essie" V. Khebnikova: miforotetka i kul'tura [The Kalmyk Component in V. Khebnikov's "Essir": the Mythroretics and Culture]. *Tvorchestvo V. Khebnikova i russkaya literatura: materialy 9 Mezhdunarodnykh Khebnikovskikh chleniy* [V. Khebnikov's Works and Russian Literature: the Proceedings of the Ninth International Khebnikov Readings]. Astrakhan, 2005, pp. 281–286. (In Russian).
11. Khamnova R.M. "Srichki sud'by" Velimta Khebnikova: poetika plameni. Aziya v Evrope: vzaimodeystvie tsivilizatsiy [Khebnikov's "Matchsticks Destiny": the Poetics of Flame]. *Uzyuk, kul'tura i etnos v globalizirovannom mire: na sryke tsyvilizatsiy i vremen* [The Language, Culture and Ethnos in the Global World: at the Juncture of Civilizations and Times]. in 2 vols. Vol. 1. Elista, 2005, pp. 186–192. (In Russian).
12. Khamnova R.M. Igra v ai'chiki v istoriosofskoy obraznosti Velimta Khebnikova [The "Shagal/Ankle Bone Shooting" in Khebnikov's Historical and Philosophical Imager]. *Istoriografiya v russkoy literature 20 I 21 vekov: traditsii i novyy vzglyad: materialy 11 Shestikovskikh chleniy* [The History and Philosophy in the Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: the Traditions and New Views: the Proceedings of the Eleventh Khebnikov Readings]. Moscow, 2007, pp. 41–48. (In Russian).
13. Khamnova R.M. Kalmytskie legendy ob Okon-Tengr i povest' V. Khebnikova "Essir": miforotetka ogyra [The Kalmyk Legends about Okon-Tengr and Khebnikov's Novella "Essir": the Mythroretics of Fire]. *Mezhdunarodnyye Lomitzevskie chleniya. Izucheniye literaturnykh i fol'klornykh narodov Rossii i SNG: Teoriya. Istoriya. Problemy sovremennoye razvitiya* [The International Lomitzev Readings: The Study of Literature and Folklore of the Peoples of Russia and the CIS: Theory. History. The Issues of Current Development]. Moscow, 2008, pp. 210–219. (In Russian).
14. Khamnova R.M. Kalmytskiy komponent v tvorchestve V. Khebnikova [The Kalmyk Component in V. Khebnikov's Works]. *Tvorchestvo Velimta Khebnikova i russkaya literatura 20 veka: poetika, tekstologiya, traditsii: materialy 10 mezhdunarodnykh Khebnikovskikh chleniy* [V. Khebnikov's Works and the Russian Literature of the

- 20th Century: Poetics, Textology, Traditions: the Proceedings of the Tenth International Khllebnikov Readings]. Astrakhan, 2008, pp. 316–319. (In Russian).
15. Khaninova R.M. Chetki druga na niti vremen: o semantike chetok v tvorchestve Velimira Khllebnikova [The Beads of the Day on the String of Times: On the Semantics of Rosary in Velimir Khllebnikov's Works]. *Velimir Khllebnikov i Kalmykiya* [Velimir Khllebnikov and Kalmykia]. Elista, 2013, pp. 175–183. (In Russian).
16. Khaninova R.M. Poetika veshchi v tvorchestve Velimira Khllebnikova [The Poetics of Things in Velimir Khllebnikov's Works]. *Aziyskoe mirovidenie Velimira Khllebnikova v aspekte kalmytskikh istokov tvorchestva poeta* [Velimir Khllebnikov's Asian Worldview in the Aspect of the Kalmyk Sources in the Poet's Works]. Elista, 2015, pp. 101–117. (In Russian).
17. Saldusova A.G. O real'nosti mira V. Khllebnikova [On the Reality of Khllebnikov's World]. *Tvorchestvo V. Khllebnikova i russkaya literatura: materialy 9 Mezhdunarodnykh Khllebnikovskikh chteni* [V. Khllebnikov's Works and Russian Literature: the Proceedings of the Ninth International Khllebnikov Readings]. Astrakhan, 2005, pp. 111–114. (In Russian).
18. Rapis A.E. "Evraziyskie" konteksty Khllebnikova: ot "kalmytskogo mira" k miru o "edinou Azii" [Khllebnikov's Eurasian Contexts: From the "Kalmyk Myth" to the "United Asia Myth"]. *Evraziyskoe prostranstvo: zhuk, slovo, obrыз* [The Eurasian Space: Sound, Word, Image]. Moscow, 2003, p. 309. (In Russian).
19. Khopinov V.N. Ob obshchemongol'skoy lekseme "Bogdo" [Within the System of Kalmyk Toponymy]. *Mongolovedeniye v novom tsvyacheletii* [The Mongol Studies in the New Millennium]. Elista, 2003, p. 229. (In Russian).
20. Khopinov V.N. Ob obshchemongol'skoy lekseme bogdo v sisteme kalmytskoy toponimii [On the All-Mongolian Lexeme "Bogdo" Within the System of Kalmyk Toponymy]. *Mongolovedeniye v novom tsvyacheletii* [The Mongol Studies in the New Millennium]. Elista, 2003, p. 229. (In Russian).
21. Basaev D.E. Kalmytskie predaniya i legendy o gore Bogdo [The Kalmyk Legends about Mount Bogdo]. *Problemy sovremennoy kalmykovedeniya* [The Issues of Modern Kalmyk Studies]. Elista, 2001, p. 23. (In Russian).
22. Tartakovskiy P.I. "Khadzhi-Tarkhan" ["Khadzhi-Tarkhan"]. *Tartakovskiy P.I. Sostizal'no-esteticheskiy opyt narodov Vostoka i poeziya Khllebnikova v 1900–1910-e gody* [The Socioaesthetic Experience of the Peoples of the Orient in the 1900–1910s]. Tashkent, 1987, pp. 211–250. (In Russian).
23. Basaev D.E. Kalmytskie predaniya i legendy o gore Bogdo [The Kalmyk Legends about Mount Bogdo]. *Problemy sovremennoy kalmykovedeniya* [The Issues of Modern Kalmyk Studies]. Elista, 2001, pp. 17–18. (In Russian).
24. Basaev D.E. Kalmytskie predaniya i legendy o gore Bogdo [The Kalmyk Legends about Mount Bogdo]. *Problemy sovremennoy kalmykovedeniya* [The Issues of Modern Kalmyk Studies]. Elista, 2001, p. 18. (In Russian).
25. Khopinov V.N. Ob obshchemongol'skoy lekseme bogdo v sisteme kalmytskoy toponimii [On the All-Mongolian Lexeme "Bogdo" Within the System of Kalmyk Toponymy]. *Mongolovedeniye v novom tsvyacheletii* [The Mongol Studies in the New Millennium]. Elista, 2003, pp. 228–229. (In Russian).

(Monographs)

26. Stepanov N.L. *Velimir Khllebnikov* [Velimir Khllebnikov]. Moscow, 1975,

- pp. 106–107. (In Russian).
27. Zhnkovskaya N.L. *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika* [The Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, 2002, p. 28. (In Russian).
28. Starkina S. *Velimir Khllebnikov: Korol' t'remeni. Biografiya* [Velimir Khllebnikov: The King of Time. Biography]. Saint-Petersburg, 2005, p. 14. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

29. Basaev D.E. *Kalmytskie narodnye legendy i predaniya* [The Kalmyk Legends]. PhD Thesis Abstract. Elista, 2009, p. 17. (In Russian).

Римма Михайловна Ханнинова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научно-го центра Российской академии наук.

Научные интересы: поэтика, русская литература, калмыцкая литература и фольклор, калмыцкая поэзия, перевод.

E-mail: khamniova@bk.ru

Дельмир Юрьевна Топалова – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научно-го центра Российской академии наук.

Научные интересы: литература калмыцкого зарубежья, русскоязычная калмыцкая поэзия, современная калмыцкая поэзия.

E-mail: delya.top@yandex.ru

Римма Кhamniova – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: poetics, Russian literature, Kalmyk literature and folklore, Kalmyk poetry, translation.

E-mail: khamniova@bk.ru

Delgir Topalova – Candidate of Philology, Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: literature of the Kalmyk expatriate community, Kalmyk poetry in Russian, modern Kalmyk poetry.

E-mail: delya.top@yandex.ru